

УДК 338(091)(045)

Проблемы модернизации России: опыт историко-экономического анализа

СКВОРЦОВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета. E-mail: alex.e.k.02.07.98@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен модернизации с точки зрения его исторической эволюции, сущности, современного понимания процессов развития в рамках тренда модернизации. Дается характеристика базовых элементов западного общества модерни в системе политических, социально-экономических, культурных отношений, приводится общеисторическая закономерность их становления. Анализируется специфика модернизации стран «второго эшелона» развития, и в первую очередь России. Особенность российской модернизации рассматривается в связи с геополитическим положением страны и вытекающей из него внешней политикой государства. Особое место уделяется характеру исторического взаимодействия России и Европы. Исследуется либеральная и консервативная составляющая догоняющей модели имперской модернизации России. Автор выделяет три основных периода в разворачивании российской модернизации: 1) период протомодернизации (XVI–XVII вв.) – формирование социально-экономических и геополитических предпосылок модернизации, преодоление изоляционистских настроений в среде правящего класса, культурно-исторический сдвиг в русском обществе; 2) имперский период (XVIII–XX вв.) – пофазовое осуществление модернизационного проекта России, прошедшего две стадии (мануфактурную и промышленную) и три витка ускорения в рамках индустриального периода, но на принципиально разной социально-политической почве (90-е гг. XIX в., предвоенные годы начала XX в. и 30-е гг. XX в.), особо выделяется стадия перенастройки традиционной модели модернизационного развития 1960–1980-х гг., инициированная третьей научно-технической революцией (НТР); 3) современный период (с 1992 г.) – ему уделяется особое внимание в силу значимости для современников. Анализируются сильные и слабые стороны современного этапа модернизации страны, резервы ее экономического роста, возможные формы социального активизма и оптимизации социально-политического курса. В заключение приводятся некоторые сценарии возможного развития страны на ближайшую и отдаленную перспективу. Автор стоит на позициях социального оптимизма, однако реалистично оценивает современное состояние России и предупреждает о пагубности политики, направленной на углубление социальной и имущественной дифференциации, сырьевого потребительства, недоучета гигантских потенциальных возможностей россиян и нежелания привлечь этот незадействованный ресурс на благо страны.

Ключевые слова: «второй эшелон» модернизации; геополитика; догоняющая модель развития; имперская модернизация; индустриализация; индустриализм; модерн; модернизация; модернизи; промышленный переворот; протомодернизация; экспансионизм.

Problems of Modernization in Russia: Experience of Historical and Economic Analysis

ELENA M. SKVORTSOVA, PhD in History, Professor of the Department of «Economic History and History of Economic Doctrines» of the Financial University. E-mail: alex.e.k.02.07.98@gmail.com

Abstract. The article discusses the phenomenon of modernization from the point of view of its historical evolution, the essence of the modern understanding of development processes in the framework of the trend of modernization. It also

describes the basic elements of Western society modernity in the political system, socio-economic, cultural relations, provides a general historical pattern of development. The specificity of the modernization of the countries of the «second echelon» of development, and primarily Russia is given. The peculiarity of Russian modernization is considered in connection with the geopolitical situation of the country and its foreign policy which is due to it. A special place is given to the historic character of interaction between Russia and Europe. There are explored liberal and conservative components of the catch-up model of Imperial Russia's modernization. The author identifies three main periods in the deployment of Russian modernization: 1) the period of protomodernism (XVI–XVII centuries) – the formation of socio-economic and geopolitical preconditions of modernization, the overcoming of isolationist sentiment in among the ruling class, cultural-historical shift in Russian society; 2) the Imperial period (XVIII–XX centuries) – stage-by-stage implementation of the modernization project of Russia, that had two stages (manufacturing and industrial) and three rounds of acceleration in the framework of the industrial period, but on radically different socio-political grounds (the 90-ies of the XIX century, the pre-war years of the early XX century and the 30s of XX century). There stands out the stage of reconfiguration of the traditional model of modernization development 1960–1980th, initiated by the third scientific and technological revolution (STR); 3) the modern period (since 1992) – it is given special attention because of the significance for contemporaries. The article analyzes strengths and weaknesses of the current stage of modernization of the country, the reserves of its economic growth, the possible forms of social activism and optimization of socio-political course. It concludes with some scenarios of possible development of the country in the near and distant future. The author takes the position of social optimism, however, is realistic about the modern state of Russia and warns of the evils of policies aimed at deepening social and property differentiation, raw material consumerism, underestimation of huge potential of Russians and unwillingness to engage this untapped resource for the benefit of the country.

Keywords: «second echelon» of modernization; geopolitics; catch-up development model; Imperial modernization; industrialization; industrialism; modern; modernization; modernity; industrial revolution; protomodernisation; expansionism.

Модернизация — феномен западной цивилизации. Термин «modern» впервые начал использоваться в сочинениях философов и историков раннего Средневековья с целью разграничения понятий христианского настоящего стран Европы и их языческого античного прошлого. В современных исследованиях под модерном понимается эпоха Нового времени, начавшаяся Ренессансом и Реформацией и завершившаяся в последней четверти XX в. Настоящий период в рамках теории модернизации рассматривается как поздняя модерность, открытая во всемирно-историческом хронотопе и связанная с утверждением постмодернистской культурной парадигмы и постиндустриального типа общества на Западе.

Европа стала источником модернизации в силу высокого динамизма своей жизни. Западноевропейский капитализм Нового времени являлся прямым продолжением социально-экономических тенденций развития античного мира и одновременно был качественно новым явлением всемирной истории. В эпоху утверждения рыночных отношений сформировалось новое понимание роста эффективности общественного производства как его технико-технологического совершенствования.

Интенсификация труда, частнособственническая активность и быстрые темпы роста экономики выступили структурообразующими компонентами, на базе которых произошло возрождение стран Западной Европы.

Параллельно с развитием капитализма восставали и элементы политической надстройки греко-римского мира — демократическое государство, гражданское общество с высоким уровнем правосознания его членов и приоритетом закона в жизни страны, культура с ее мировоззренческим наукоцентризмом и личностным активизмом. Появление в эпоху Античности нового типа личности, осознававшей свои социальные интересы и способной делать выбор в системе отношений партийной демократии, подкрепленное фактором возникновения национальных средневековых государств и развитием капиталистического производства Нового времени, сделало Западную Европу, а затем и весь западный цивилизационный ареал источником глобальных модернизационных изменений. Мир воспринял западную модернизацию потому, что никакие иные общественные формы не могли противостоять ее высокому технологизму, личностному активизму, рационализму, секулярности и экономикоцентризму.

Базовые элементы современного западного общества

1. Система товарного производства, основанная на конкурентных рынках продукции и специализации рабочей силы.

2. Индустриализм (постиндустриализм) как система производственных отношений, базирующихся на масштабном использовании энергии и технологий в процессе создания материальных благ.

3. Национальное государство как административная система, осуществляющая монопольный контроль над средствами насилия в пределах своих национальных границ на основе сбора и применения информации.

4. Современный строй социальных отношений, основанных на легитимации различных направлений гражданской активности и поляризации общества по линии элита–масса.

5. Западные политические институты в виде общества открытого типа с его системой партийной демократии и строгим разделением трех ветвей властной горизонтали (исполнительной, законодательной и судебной).

6. Мобильный тип доминантной личности, утверждающей себя в обществе посредством прагматических интересов, а не абстрактных идеалов.

7. Социокультурная динамика, ориентированная на утверждение приоритета материальных ценностей посредством наполнения светским содержанием христианских по происхождению смысловых комплексов и систем культуры.

8. Прогрессивный тип исторического развития как осуществление возможности коренных изменений политического строя и мировоззренческих ориентаций общества в течение жизни одного-двух поколений людей.

Сегодня модернизацию рассматривают не только как внутреннее развитие передовых стран Западной Европы и Северной Америки в эпоху Нового времени или как современные инновационные процессы в передовых странах мира. Говорят также о догоняющей модернизации стран «второго» эшелона. К ним относят патриархально ориентированные общества с этатистскими политическими традициями, которые долго не могли ответить на вызов западной модернизации. В рамках глобального цивилизационного процесса стремление таких стран «догнать и перегнать» передовые государства, не трансформируя своей традиционной модели развития, наталкивалось на большие трудности. В случае практического воплощения таких проектов, достигавшихся,

как правило, ценой крайнего перенапряжения сил общества и государства, получавшая разновекторное направление движения система не могла эффективно функционировать ни в одной из своих частей. Инфантилизм и традиционализм массового сознания продолжали ориентироваться на возможность достижения всего комплекса цивилизационных благ и западного уровня жизни без коренной перестройки системы экономических, политических и социокультурных отношений.

Россию принято относить к странам «второго» эшелона модернизации. В течение последних четырех столетий своей истории она осуществляла проект развития в рамках имперской модели модернизации, во многом определявшийся геополитическим положением страны и вытекавшей из него внешней политикой. Характер этой политики, однако, не позволяет квалифицировать Россию как классическую колониальную державу. Внешняя политика страны была ориентирована не столько на прямое подчинение других народов с целью их эксплуатации, сколько на обеспечение государственной безопасности и выполнение миротворческой и религиозной миссий в зоне геополитических приоритетов страны. Она сочетала в себе:

1) вооруженную борьбу против сильных внешних соперников с целью сдерживания их агрессии;

2) была направлена на укрепление и расширение государственных границ вследствие побед над внешним агрессором;

3) имела целью нейтрализовать потенциальные очаги опасности, исходившие со стороны многочисленных внешних врагов;

4) ставила задачу расширения сфер влияния России в зонах, населенных единоверцами либо имевших важное для государства стратегическое значение;

5) имела в виду колониальную политику, направленную на мирное включение в состав государства малонаселенных земель с последующей ассимиляцией местного населения великороссами.

Итак, российская имперская модернизация оказалась тесно связанной с задачей обеспечения государственной безопасности страны, широкомасштабной государственной колонизацией восточных земель и формированием российского цивилизационного ареала на базе общегосударственной идеологии «Москвы–Третьего Рима».

Старт всем этим процессам был дан в период Московского государства XV–XVII вв., который можно назвать протомодернизационным. Собственно

же модернизация началась только в эпоху Петра I. Именно тогда Россия встала перед необходимостью ответить на исторический вызов передовых держав своего времени и начать ускоренное движение вдогонку за ними. До начала 90-х годов XX в., несмотря на разность внутренних социально-политических условий, российская модернизация осуществлялась как единый процесс с некоторыми отклонениями, обусловленными политической конъюнктурой, и тесно увязывалась с задачами воспроизводства и сохранения имперского статуса государства.

Взаимодействие России и Европы на всем протяжении модернизационного периода подчинялось схеме догоняющего Запад развития. При этом необходимость реформ созревала в обществе быстрее, чем общество было способно их адекватно воспринять. Одним из важнейших следствий такого развития стал разрыв между уровнем военно-технического потенциала страны и отсталостью общественной жизни, между косной народной средой и европеизированной элитой. Уже в эпоху Петра I вызрели две разновекторные тенденции, противоборство которых определило последующий ход исторического развития страны. С одной стороны, получил мощный импульс процесс огосударствления всех явлений общественной жизни. С другой стороны, в виду молниеносного расширения культурного горизонта образованных слоев общества в их среде развилось критическое отношение к сложившемуся политическому строю. Набиравшая силу оппозиция выталкивала в свои ряды ярких представителей культурной и политической элиты, оказывала влияние даже на монаршествовавших особ. Наскоро воспринятые плоды европейского буржуазного просвещения, трагическая неукорененность образованного класса в традициях народной духовности — эти и многие другие причины не позволили вызреть в России тому среднему классу, который бы мог преодолеть пропасть, отделявшую власть от народа, с одной стороны, и народ от интеллигенции, — с другой.

Именно этот факт определил кратковременность периодов либеральных реформ и перевес консервативной составляющей в истории российской модернизации. Особенно наглядно это демонстрируют начинания Александра II, наиболее последовательного из всех либеральных реформаторов России. Его «великие реформы» подвели черту под тысячелетием российского феодализма, открыли эру капитализма в России. Однако масштабность предпринятых перемен неизбежно приводила к серьезным просчетам.

Россия попыталась, как всегда, одним рывком встать в ногу с передовыми державами мира, отставая при этом от них на несколько столетий. Ускоренное движение вдогонку заставляет перенимать чужой опыт наскоро, что встречает оппозицию в обществе. Коренная перестройка жизни России привела к неожиданному для властей социально-политическому эффекту. Вместо примирения и сотрудничества власть и общество оказались в состоянии плохо прикрытой гражданской войны. И первой жертвой этой войны стал сам царь-«освободитель». Его преемники силой исторических условий были поставлены перед необходимостью лавировать между курсом на ужесточение внутреннего режима и политикой заигрывания с либералами.

Подобный сценарий смены недолговременного периода господства либеральной компоненты развития на длительную эпоху консервативных перенастроек общественной системы в рамках развертывания имперской модели модернизации оказался формообразующим для российского исторического процесса.

Прототипом всех последующих либеральных реформ и одновременно их содержательным ядром послужили проекты преобразований, разработанные Избранной радой в середине XVI в. Реформаторы сознательно обратились к изменению не только государственных отношений, но и общественной жизни. Либеральный проект с тех пор (и затем всегда) развертывался неотрывно от идеологии сближения с Европой. Он непременно носил верхушечный характер, т.е. начинался как «реформы сверху», всегда был кратковременным, его никогда не удавалось довести до конца. За либеральными реформами, как правило, следовал кризис системы общественных отношений, который был тем глубже, чем последовательнее и продолжительнее являлся период изменений.

Судьбы почти всех реформаторов в России оканчивались плачевными. За реформами Избранной рады последовала опричнина, А. Адашев был казнен, А. Курбский бежал в Литву. Б. Годунов, начинания которого в области образования, просвещения и налаживания связей с Европой могут быть заслуженно отнесены к протолиберальным, внезапно скончался в разгар Великой смуты. Царевна Софья и В. Голицын свои нововведения сумели только задумать, но не осуществить. Александр I ушел из жизни загадочным образом, и вслед за этим разыгралось восстание декабристов. Александр II пал жертвой революционеров-народовольцев. В.И. Ленин не сумел укоренить НЭП «всерьез и надолго» в силу настигшей его

внезапной болезни. Н.С. Хрущев был смещен с поста главы партии и государства своими соратниками. М.С. Горбачев сам сложил с себя полномочия Президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Таким образом, Россия с XVI в. множество раз делала свой исторический выбор в пользу консервативной модели развития. Либеральные реформы терпели неудачу прежде всего потому, что их отторгала сама система повседневной жизни большинства людей. Вплоть до 1930-х годов крестьянство, во многом сохранявшее архаичный общинный строй сознания, составляло основную массу населения страны. Патриархальный политический уклад и неразвитость правосознания людей давали о себе знать, даже когда общество превратилось из аграрного в индустриальное. Как показала историческая практика, сдвиги в общественном сознании происходят гораздо медленнее, чем реформируется сам строй отношений. Причем при развертывании консервативных моделей модернизации изменения в повседневной жизни чаще всего происходили внепланово, в форме вынужденных адаптаций тех или иных сторон жизни общества к актуальным на данный момент задачам реализации реформистских программ, т.е. не являлись частью общего плана, но лишь выступали побочным продуктом его осуществления.

Лишь в краткие периоды либерального реформирования инициаторы прогрессивных нововведений сознательно обращались к изменению не только государственной, но и общественной жизни. Однако чаще всего реформаторов постигали на этом поприще неудачи в силу непоследовательности и недальновидности их собственных действий, во многом обусловленных почти физиологическим страхом перед преобразуемой системой.

На счету русской истории в промежутке времени от Ивана III и до Михаила Горбачева не было ни одного последовательного правителя-либерала. Почти каждый в той или иной мере совершал консервативный откат от первоначальных либеральных программ во имя утверждения примата государственных интересов и поддержания стабильности общественных порядков. Если же сам реформатор не останавливался, его тормозила система, выдвигавшая альтернативных лидеров с их программами стабилизации. Так Россия отторгла либеральную альтернативу развития. Аморфность народной среды компенсировалась деспотизмом правителей России, порождала у них стремление контролировать социальную динамику, сохраняя консенсус между движением вперед и движением назад. Все это в итоге

привело к деградации общественного тела государства, породило бессилие средних классов и как следствие — гипертрофию бюрократического аппарата, его смыкание с преступным миром, бесконтрольный допуск чиновников и формировавшихся вокруг них элит к национальному богатству страны.

Формирование условий для старта модернизации России и зарождение имперского теократического сознания совпадают по времени и примерно соотносятся с эпохой Московского царства XVI–XVII вв. На этом первом этапе протомодернизации сложился комплекс политических, экономических и социокультурных условий для полноценного развертывания процесса в следующем столетии. Сам же переход России из Средневековья в Новое время произошел благодаря накоплению энергии социального противоборства в годы опричнины и Великой смуты.

Политические предпосылки состояли в формировании единого Российского государства, оформлении модели российского экспансионизма и появлении первой общенациональной мессианской идеологии «Москва–Третий Рим».

Коренные сдвиги в экономике определялись зарождением рыночных отношений в XVII в. О начале развития капиталистического уклада хозяйства свидетельствовало:

- появление частного мануфактурного производства;
- развитие промыслового хозяйства;
- превращение ремесла в мелкотоварное производство;
- формирование элементов общероссийского национального рынка;
- возникновение прослойки наемных работников;
- формирование источников первоначального накопления капитала.

Становление новой системы экономических отношений на этом этапе происходило под сильным диктатом верховной власти, соперничать с которой состоятельные купцы и заводчики могли лишь на большом отдалении от центра.

В комплексе социальных предпосылок модернизации самыми яркими свидетельствами прогрессивных сдвигов в духе Нового времени стали: рождение элементов общественного российского самосознания, юридическое оформление сословного строя и выход на историческую арену широких народных масс. Утверждение элементов договорного начала во взаимоотношениях власти и общества имело место на исходе Смутного времени и повлияло на

формирование общероссийского национального самосознания, способствовало развитию начал правового регулирования государственных отношений, а вместе с этим и абсолютизма. Осуществленная в середине XVII в. легитимация сословного строя ускорила стирание внутрисословных барьеров и консолидировала основные сословия по их положению в обществе. Причем высшие слои общества за счет этого усилились и обрели дополнительные возможности господства над низшими.

Таким образом, специфика исторического развития России на ее пути к модернизации в XVI–XVII столетиях состояла в том, что централизация страны, в отличие от государств Западной Европы, сопровождалась не разрушением, а юридическим оформлением крепостных отношений, не упадком, а консолидацией и легитимацией сословий, поздним нормативным оформлением сословного строя, отставанием в развитии рынка, диктатом государства в экономике, слабостью городов, отсутствием третьего сословия горожан

Имперский этап модернизации (XVIII–XX вв.)

Собственно российская модернизация началась в эпоху Петра I и остается незавершенной по сегодняшний день. До начала 90-х годов XX в., несмотря на разность внутренних социально-политических условий, Россия осуществляла свой единый модернизационный проект на путях экстенсивного развития во имя преодоления отставания от передовых стран мира и сохранения в условиях резких глобальных перемен статуса великой державы, каковой она являлась в силу своих гигантских размеров и неисчерпаемых природных и людских ресурсов.

Начальный период модернизации (XVIII–первая треть XIX в.). В течение этого периода оформилась «имперская модель» консервативной модернизации России. Все это время мы догоняли западную цивилизацию, пытались наверстать упущенное в сфере промышленных и военных технологий. В России сложилось свое понимание цели и характера прогрессивного развития как ускоренного прироста военно-промышленного потенциала путем форсированного движения вдогонку за передовыми странами мира. Модернизация России совершалась во имя сохранения и упрочения Российской империи, приведения в наиболее современный, т.е. конкурентоспособный, вид отдельных ее элементов. Вынужденные жертвы и отступления на этом пути совершались ради сохранения

и упрочения единого могущественного государственного организма.

Период индустриализма (30-е гг. XIX в. — 50-е гг. XX в.). На этом этапе свою законченную имперскую форму приобрело Российское государство. В конце XIX в. завершилось складывание его границ, к концу 30-х гг. XX в. после переломных событий в истории эти границы были почти полностью восстановлены в пределах Советского Союза, трансформировавшего в интернационалистском ключе мессианскую идею «Москвы–Третьего Рима» и на ее базе осуществлявшего свой идеократический проект гегемонизма. Невзирая на существенную разность идейно-политических условий развития страны, остроту ее внутренних и внешних противоречий, на первое место в модернизационном процессе выдвинулся индустриализм, подчинявшийся и в царское, и в советское время общим закономерностям развертывания. Его ускорителем выступал фактор научно-технического прогресса (НТП), ставивший Россию всякий раз перед необходимостью интенсифицировать экономику в условиях наращивания ее отставания от передовых стран мира. Россия вынуждена была постоянно перенапрягать силы и решать одновременно взаимоисключающие задачи: преодолеть хозяйственную отсталость и сохранять статус великой державы, укрепляя свое международное положение в условиях быстро менявшейся геополитической ситуации.

В новых исторических условиях традиционная модель модернизации как ускоренного развития вдогонку за странами Запада приобретала новую качественную особенность — виткообразность движения. После завершения промышленного переворота, имевшего место в 30–80-е гг. XIX в., первый такой виток интенсивной индустриализации имел место в 90-е гг. XIX в., второй — в 1909–1914 гг., третий — в середине 20-х–30-е гг. XX столетия. Каждый из них приводил к качественным сдвигам в характере индустриализма, однако все более углублял неразрешимость проблемы соблюдения баланса между стабильностью политической системы и динамичностью социально-экономического развития страны. Устойчивое воспроизводство этого дисбаланса в разных исторических эпохах обуславливалось сходством общих стартовых условий индустриализации в царское и советское время, а также преемственностью теоретических установок и методов ее осуществления.

Как показала в своей докторской диссертации В.А. Погребинская, к таким стартовым условиям относились:

- 1) господство аграрного уклада и мелкотоварного сектора внутри него;
- 2) пестрота стадияльной и национальной многоукладности в ее одновременной развертке;
- 3) государственный диктат в экономике;
- 4) отсутствие единого механизма воспроизводства капитала;
- 5) традиционно-минималистский потребительский тип трудовой этики;
- 6) низкая грамотность населения;
- 7) преобладание бинарной ментальности и патриархального типа общественного сознания [1, с. 41–46].

На исходе 30-х гг. XX в. СССР превратился из аграрной в аграрно-индустриальную державу, т.е. был достигнут качественный скачок в ходе осуществления модернизации страны. Одновременно сложился устойчивый тип воспроизводства экономических отношений, который быстро восстановил себя после окончания Великой Отечественной войны.

В его основе лежали:

- тотальное огосударствление экономики;
- предельно высокий уровень централизации управления ею;
- экстенсивный характер народного хозяйства;
- поддержание жизнестойкости экономики за счет обеспечения дефицита денег в обращении, дешевизны труда и сохранения высокой доли ручного труда;
- приоритет распределительных отношений над хозрасчетными; понимание экономической эффективности как перевыполнение плановых заданий;
- преобладание неэкономических стимулов к труду как следствие внедрения форм социалистического соревнования и стихийного развития массового производственного энтузиазма;
- наличие скрытой инфляции как результата превышения объемов промышленного производства над эмиссией денежных знаков;
- структурные и региональные диспропорции;
- остаточный принцип финансирования культурно-бытовой сферы.

Период перенастройки традиционной схемы модернизации (60–80-е гг. XX в.). На рубеже 50–60-х гг. XX в. был осуществлен качественный скачок в разворачивании модернизации: страна превратилась из аграрно-индустриальной в индустриальную державу. Тогда под влиянием третьей научно-технической революции в условиях «холодной войны» перед страной впервые встала поистине революционная задача экономического гиперускорения в комплексе

с запуском интенсивной модели развития, нацеленной на преодоление структурных и региональных диспропорций традиционного экстенсивного типа хозяйствования и ослабление административной монополии.

Коренное изменение схемы модернизации в 1960–1980-е гг. наложилось на целый ряд осложнявших ее реализацию факторов и, в конечном итоге, не состоялось. Во-первых, сохранение имперского статуса державы, включенность СССР в «холодную войну» вели к наращиванию военно-промышленного потенциала и углублению сложившихся диспропорций. Во-вторых, принятие в 1950-е гг. курса на подъем благосостояния населения способствовало перекачке государственных инвестиций в сельское хозяйство и легкую промышленность, что обостряло борьбу отраслей экономики за материальные и трудовые ресурсы, превращало инвестиционные программы в «финансовый мусоропровод», а экономику — в «тришкин кафтан». В-третьих, объективно неблагоприятными оказались демографическая ситуация в 1970-е гг., обстановка на внешнем рынке в 1980-е гг., положение с добычей энергоносителей в 1970–1980-е гг. В-четвертых, в 1970-е гг. произошел перелом в сознании людей, и вследствие этого иссяк один из главных двигателей прогресса советской экономики — трудовой энтузиазм населения. По иронии исторической судьбы этот ручеек пересох именно тогда, когда советское правительство стало куда более остроумно заботиться о повышении уровня материального благосостояния людей.

Таким образом, главная причина неудачи определялась фактором включенности СССР в «холодную войну» и гонку ядерных вооружений, приводившим страну к наращиванию военно-промышленного потенциала и углублению сложившихся еще в довоенные годы экономических диспропорций.

В ходе разворачивания этих условий и противоречий традиционная экстенсивная модель модернизации начала давать устойчивые сбои, а интенсивная модель не успела заработать. Попытки справиться с трудностями наталкивались на новые проблемы. Сложившаяся в условиях догоняющей модели развития система администрирования была нацелена на преодоление структурных диспропорций, однако оказалось, что она может существовать только при их наличии и только систематически генерируя их в борьбе за свое существование. Поэтому принимавшиеся к исполнению планы сбалансированного развития (семилетка, восьмой пятилетний план) в соответствии с идеями ступенчатой оптимизации, т.е.

позападной максимизации сначала фонда накопления, а затем фонда потребления, полной реализации не получили. Оптимальное соотношение инвестирования и потребления требует развития правовых норм хозяйствования.

Проработка коренных проблем интенсификации народного хозяйства требовала времени и опыта. В 70-е гг. XX в. уже были сделаны первые важные конструктивные шаги — нащупано оптимальное направление интенсификации народного хозяйства посредством совершенствования хозяйственных производственных отношений, инвестирования научно-производственных и агропромышленных комплексов, финансирования программ по развитию сельского хозяйства, легкой промышленности, сети инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства. Но страна снова попала в свою очередную «историческую черную дыру» — перестройку. У советских хозяйственников, как когда-то у Столыпина, не оказалось тех требуемых 20 лет спокойной жизни, чтобы получить новую советскую Россию.

Пришедшее к власти в 1985 г. новое поколение советских руководителей во главе с М.С. Горбачевым с 1987 г. начало осуществлять концепцию перестройки, экономическим стержнем которой выступала идея перевода централизованного планово-государственного хозяйства на рыночную, товарно-денежную основу в рамках социалистического типа отношений. Децентрализация управления экономикой привела к разбалансировке старого хозяйственного механизма, не скомпенсированного, однако, настройкой на новые рыночные основания. Стабилизационная программа не включилась в силу резкого упадка народного хозяйства и отсутствия в стране свободных товарных и денежных потоков. Рыночные стимулы экономики тормозились ростом ажиотажного спроса на самые необходимые товары, усилившейся инфляцией, дефицитом госбюджета. Неизбежным побочным продуктом всех этих деструкций стала легализация капиталов «теневой экономики» в рамках легитимации индивидуальной трудовой деятельности. Частная инициатива оказалась направленной не на производство, а в сферу услуг и товарооборота, где ежегодно отмывалось до 90 млрд руб.

Современный этап модернизации (с 1992 г.) характеризуется изменением геополитической ситуации. В 1991 г. распался Советский Союз, последний субъект государственных отношений, обладавший чертами имперской организации. Однако само имперское сознание в постсоветскую эпоху не исчезло, а лишь перешло в латентное состояние. Поэтому

потенциально действующим остается главное условие для воспроизводства консервативной модели модернизации. В России, правопреемнице СССР, новые отношения тесно переплелись со старым укладом жизни, наложив отпечаток своеобразия на характер ее социально-экономического и политического развития.

Современный этап модернизации может быть назван переходным как в силу многоукладного характера нынешней экономики России, остроты общественных противоречий, так и в связи с хаотической направленностью поиска пути выхода из замкнутого круга старых и появившихся новых проблем страны. Исконно почитаемый российскими политиками следовой метод «проб и ошибок» в деле определения оптимального экономического направления развития государства, примененный в начале 1990-х гг., прошел своей тяжелой поступью по стране и поставил ее перед вызовом, похожим на вызов большой войны, только растянутым во времени на 20 лет. Эта хронологическая растяжка снизила в общественном сознании ощущение опасности, однако не устранила реальной угрозы.

В годы постперестройки был осуществлен неэтапированный и неадаптированный к конкретно-историческим условиям страны переход к политике экономического либерализма и фритредерства. Под ударом оказалась многовековая традиция протекционизма, которой придерживались и Романовы, и большевики. Рыночные механизмы регулирования производства, на действие которых уповали авторы программы «шоковой терапии», не заработали в предполагаемые сжатые сроки. Их настройка требовала значительно большего времени в силу исторически сложившихся в России общественных условий. За новым демократическим фасадом политического истеблишмента просвечивает плохо скрытый бюрократический облик и тип мышления современной правящей элиты, легально сращивающей свою власть с богатством.

Поэтому неизбежны сбои в развертывании модернизационных процессов. Современная экономика России не в лучшую сторону поменяла свои хозяйственные приоритеты. От преимущественного развития отраслей группы «А», и в первую очередь военно-промышленного комплекса, она перешла к топливно-сырьевой ориентации и перекатке средств в непроизводственные подразделения экономики с быстрым оборотом капитала — сферы товарооборота, услуг, финансов. Принимаемые правительственные программы структурных перестроек

экономики в условиях «дикого» рынка, перекачки капитала за рубеж и криминализации хозяйственных отношений большого эффекта не дают. Дестабилизирующим фактором является также втягивание российской экономики в глобальные экономические кризисы (финансовые, банковские, энергетические и др.) при сохранении ее периферийного положения в системе мировых экономических отношений.

Следствием неизбежно становится нарастающее технологическое отставание страны. Износ основных производственных фондов во многих отраслях промышленности достигает сегодня критически допустимой отметки: в угольной и горнодобывающей — 80–90%, в электро- и теплоэнергетике — 46, в нефтеперерабатывающей — 80, в химической — 60–100, атомной электроэнергетике — 60–80, жилищно-коммунальном комплексе — 40%. Средний возраст оборудования в РФ составляет 21,5 года, по сравнению с 9,8 годами в СССР (1990 г.) или 9 годами в современных развитых странах мира [2, с. 118–120].

На советском производственном и инфраструктурном потенциале страна может протянуть еще не более 10 лет. Макроэкономические последствия разрушения производительного хозяйства России плачевны: усиливающаяся зависимость экономики от международных финансовых организаций; нарушение экономических связей между регионами страны и распад единой народнохозяйственной структуры; выпадение из российского экономического пространства экстремальных геоклиматических регионов, подпадающих под протекцию иностранных держав.

Социальные grimасы современности превосходят все, виданное россиянами в Новое время. Из страны поголовной грамотности, занятости и социальной защищенности Россия превратилась в «поле чудес» небывалых имущественных контрастов, зону криминального беспредела, человеческого бесправия и морально-нравственного коллапса общества. Отражением этих негативов стали беспрецедентные за последнее двадцатилетие людские потери, сопоставимые только с потерями страны в большой войне. С 1992 г. численность народонаселения России сократилась на 7 млн человек, а с учетом притока мигрантов общие потери превысили бы отметку в 12 млн человек. По последнему прогнозу ООН, к середине XXI столетия в России останется 116 млн человек вместо сегодняшних 142 млн, т.е. мы потеряем еще 26 млн душ. Подобная динамика грозит опустошением народонаселения на обширных пространствах России и, как следствие, к утрате ее территорий. Тем

более что за Уралом с 2010 г. остается всего 30 млн человек [2, с. 121–123].

Каков же выход из сложившегося положения? История, как всегда, сужает реальный выбор, определяя его актуальностью наличествующих внутренних (социально-экономических и политических) и внешних (геополитических) ограничителей. Один из таких вполне возможных сценариев — это деиндустриализация страны с последующей потерей ею экономической и политической суверенности. Ведь совершенно наивно было бы предполагать, что в условиях беспощадной схватки государств XXI в. за источники сырья и в рамках существующего неуклонного тренда падения национальной экономики шансов даже на простую консервацию нынешнего положения дел в России просто нет, особенно если учитывать тот факт, что она располагает 30% природных ресурсов планеты, а производит при этом только около 1% мирового валового продукта.

Другой сценарий — разработать государственный план промышленного рывка на ближайшие 10 лет. Современный вызов России сродни вызовам первых пятилеток и Великой Отечественной войны, поскольку с ним невозможно справиться в рамках «естественного хода вещей», по выражению Адама Смита. Для преодоления неблагоприятного хода развития событий стране необходимо использовать свои доходы от продажи сырья и энергоносителей на финансирование строительства новейших предприятий обрабатывающего сектора экономики, а затем постепенно возрождать тяжелую и оборонную промышленность на дивиденды, полученные от отраслей группы «Б». В отличие от Казахстана, приступившего в 2010 г. к новой индустриализации, ориентированной на развитие обрабатывающего сектора экономики, Россия не может остановиться на стадии возрождения легкой промышленности. Для нас уместнее применить вариант широкомасштабного возрождения с поэтапным глубоко эшелонированным запуском всей матрицы экономических отношений, нацеленных на обеспечение военно-хозяйственной самодостаточности страны.

Очевидно, что на путях реализации либеральной доктрины развернуть подобную программу в предполагаемые сжатые сроки невозможно. Оказавшись вновь в опасной близости от критической точки альтернативного выбора, нам не остается ничего иного, как только вспомнить об апробированном в советское время безотказном экономическом инструменте по выходу из чрезвычайных ситуаций — мобилизационном плане. А он, как известно из истории

СССР, всегда начинался с государственного целеполагания, т.е. постановки актуальной стратегической задачи, разработки программы ее идеологического обеспечения с центрацией на интересах трудящихся. Само по себе экономическое планирование советской эпохи, упоминание о котором в годы постперестройки стало жупелом, не являлось панацеей, ибо выступало лишь средством целеполагания. Так что экономический успех, в конечном счете, всегда происходит из сферы постановки государственных целей.

В СССР мобилизационный план, как минимум, трижды спасал страну от, казалось бы, неминуемой гибели. В 1930-е гг., в эпоху назревания Второй мировой войны впервые была реализована сверхзадача достижения технико-экономической независимости СССР от Запада и обеспечения обороноспособности страны в комплексе с программой построения основ справедливого социалистического общества. Во второй раз в начале Великой Отечественной войны благодаря сверхусилию народа, его доверию к власти и общности цели народа и власти по изгнанию врага стала возможной беспрецедентная по срокам, напряженности и качеству осуществления эвакуация промышленности на восток страны и ее перестройка на военный лад. Кредит доверия народа к власти в третий раз сыграл свою определяющую роль после окончания Второй мировой войны. Тогда СССР, потерявший 27 млн человек и треть национального богатства, тративший гигантские средства на поддержание своих политических союзников в Европе и Азии, включившийся в гонку ядерных вооружений, сумел в 8 раз быстрее, чем предполагали его недавние партнеры по антигитлеровской коалиции, восстановить довоенный промышленный потенциал. И всякий раз чудо не объяснялось одними репрессиями и действиями административно-командной системы управления, как это стало модным утверждать в наши дни. Определяющую роль в выходе из чрезвычайных ситуаций играл неэкономический ресурс, особое состояние людей — их способность к самопожертвованию.

В последнее десятилетие, развиваясь без стратегии и расчета национальных ресурсов, боясь самого термина «экономическое планирование», Россия как государство не только не пришла к ожидаемому автоматическому процветанию, но и стала жертвой невиданной внутренней коррупции и агрессивных внешних сил, действующих под прикрытием целого комплекса благовидных проектов. Слабые остатки экономической и военно-политической

независимости страны — «соломинка» для утопающей современной России. Но есть у нас и «спасительное бревно», только его стремятся оттолкнуть от себя эгоистически мыслящие политики, опасющиеся за свои состояния, внушающие молодежи панический страх возможности возврата старого режима и рассматривающие человеческий фактор лишь как оперативное средство политического пиара.

Трудовой энтузиазм не включается сегодня как фактор экономического роста не потому, что россияне измелечали, как нередко пытаются убедить общественность СМИ. Причина в другом — непроходимой пропасти, образовавшейся между народом и властью. Государственные программы социальной защищенности населения принимать в сложившихся условиях бесполезно, ибо финансовые вливания в очередной раз осядут в частных карманах. Надеяться на то, что российские миллиардеры и миллионеры начнут делиться с обществом и урезать свои потребности, нелепо. Ужесточение деятельности правоохранительных органов в их борьбе с коррупцией и криминалитетом приведет лишь к усилению способности теневого мира мимикрировать.

В чем же может состоять выход из сложившегося положения вещей? Во-первых, очевидно, российским политикам необходимо определиться в понимании современного состояния страны: нормальное оно, приемлемое или чрезвычайное, близкое к состоянию войны либо подготовки к ней. Во-вторых, допуская неприемлемость сложившейся ситуации, следует инициировать широкое обсуждение этой проблемы в СМИ по всей стране. В-третьих, необходимо использовать верховные полномочия власти для установления государственного контроля над экономикой и распределением доходов в стране. В-четвертых, включив регулирующие механизмы, стоит незамедлительно начать возрождение производственного сектора народного хозяйства во имя обеспечения достойной жизни трудового населения. В-пятых, власть должна нормализовать нравственный климат в России.

Литература

1. *Погребинская В.А.* Институциональные особенности начала индустриализации России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М.: Макс-Пресс, 2009. 21 с.
2. *Седнев В.П.* Экономика войны: учет возможности невозможного // Сократ. Журнал современной философии. 2010., № 2. С. 118–123.